

НИНА ВЛАДИМИРОВНА МАРКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
markova_nina@mail.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ ЗАОНЕЖСКОГО ДИАЛЕКТА

Впервые представлена морфосинтаксическая система заонежского диалекта, оказавшегося вне зоны централизованного изучения русских народных говоров; предложен список выявленных морфологических и синтаксических различий; в сопоставлении с данными современной лингвогеографии отмечены специфические структурные и функциональные черты заонежских диалектных словоформ и конструкций. Актуальным представляется анализ еще не публиковавшегося материала XXI века, позволяющий определить некоторые тенденции в развитии грамматической системы на рубеже веков. На морфологическом уровне отмечается ослабление роли флексий: синкретизм падежных форм у существительных, популярность стяженных окончаний прилагательных и глаголов. Активно используемый северо-западный перфект представлен в диалекте двумя типами синонимичных конструкций – причастных и деепричастных. На уровне простого предложения сохраняется конкуренция именительного и родительного падежей в роли объекта и субъекта.

Ключевые слова: русские народные говоры, лингвогеография, заонежский диалект, морфологические и синтаксические диалектные различия, северо-западный перфект, объектный номинатив, субъектный генитив

Для цитирования: Маркова Н. В. Грамматические диалектные черты заонежского диалекта // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

ВВЕДЕНИЕ

Заповедное Заонежье, сохранившее для потомков русский былинный эпос и причитания, сопровождавшие крестьянина от свадьбы до погребения, удивительные деревянные церкви, часовни, продуманные до мелочей добротные избы, осталось за границей диалектного членения 1964 года. Несмотря на то что говоры Заонежья неизменно вызывают научный интерес, изначально связанный с изучением фольклора – П. Н. Рыбников записанную им и в Олонецкой губернии богатейшую коллекцию былин сопроводил серьезным лингвистическим комментарием [17]; несмотря на труды А. А. Шахматова [21], Ф. П. Филина [20], И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко [8], В. И. Трубинского [19], содержащие наблюдения над говорами этого края; несмотря на многочисленные диалектологические экспедиции под руководством преподавателей петрозаводских вузов, до сих пор нет монографического описания грамматической системы заонежского диалекта. Фундаментальные лингвогеографические исследования русских народных говоров позволяют выявить особенности в реализации морфологических и синтаксических различий на территории, оказавшейся вне зоны целенаправленного системного многолетнего изучения.

Заонежский диалект начала XXI века¹, объединяющий говоры Толвуи, Кузаранды, Великой Губы, Великой Нивы и др., сохраняет грамматические черты, отмеченные исследователями

еще в XIX и XX веках. В своем обзоре мы придерживаемся дифференциального принципа, отмечая лишь собственно диалектные различия уровня морфологии и синтаксиса, теснейшим образом взаимосвязанных. В настоящей работе предлагается список выявленных в диалекте грамматических различий (см. табл. 1 «Морфологические особенности заонежского диалекта» и табл. 2 «Синтаксические особенности заонежского диалекта») с комментарием некоторых из них.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Синкретизм падежных форм существительных

В говорах Заонежья собственно диалектным оказывается синтаксис форм им. падежа существительных разных типов склонения. Так, формы на *-а* в функции вин. падежа предлагается рассматривать как особый, объектный, падеж [1: 35], пусть и небезразличный к форме глагольного компонента. О постепенном исчезновении так называемого объектного падежа в говорах свидетельствует использование форм на *-а* в соответствии практически с любым косвенным падежом: родительным определением (*колбаса палка* ‘палка колбасы’; *было все время черника варенье* Кузаранда), составляющим грамматическую особенность русской разговорной речи [6: 255]; дательным адресата: *мама помогать*, другими косвенными объектами: *у Тамара спрашивала*; *посмотри на нога*, а также

в роли обстоятельства: *живу в Великая Губа*.
Объектный номинатив одушевленных существительных мужского рода (*поймали лисенок*),

отражающий этапы становление категории одушевленности, в Заонежье встречается крайне редко.

Таблица 1. Морфологические особенности заонежского диалекта
Table 1. Morphological features of the Zaonezhye dialect

№	Морфологические диалектные различия	Территория фиксации по данным лингвогеографии	Источники
1	Имя существительное		
1.1	Синкретизм падежных форм существительных 1-го склонения в ед. числе: Р. п. = Д. п. = П. п.: <i>от сестры – к сестры – о сестры</i>	Северо-западная зона, архангельские говоры	[16: 39]
1.2	Флексия -у в пр. падеже существительных 2-го склонения: <i>на каблук, на столику</i>	Юго-западная зона: брянские, курские; поморские, заонежские	[3: 75, 31]
1.3	Предлог с в соответствии с предлогом из с род. падежом существительных: <i>с ямы, с Москвы</i>	Западная зона; поморские	[5: 244]; [16: 50]
1.4	Предлоги <i>мимо, подле, около</i> с вин. падежом: <i>мимо дом</i>	Северная зона; поморские	[16: 39]
1.5	Пропуск предлога <i>в</i> с пр. падежом: <в> <i>Медгоре живут</i>	Севернорусские: Прионежье, Приладожье, подпорожские, лодейнопольские; кандалакшские, беломорские, белозерские	[15: 87]
1.6	Формы им. падежа мн. числа существительных ж. рода с суф. <i>й</i> и окончанием -а: <i>березья, жердь</i>	Северное наречие; западные среднерусские окающие – гдовские Онежская подгруппа	[5: 270] [16: 50]
1.7	Омонимия форм мн. числа в дат. и тв. падежах: <i>двум старухам</i>	Северное наречие; вологодские	[16: 46]
1.8	Флексии тв. падежа существительных во мн. числе -амы сущ.: <i>с худыма руками; с худымы руками</i>	Онежские говоры	[16: 50]; [5: 270]
1.9	Флексия -ама тв. падежа существительных во мн. числе: <i>своима руками</i>	Онежские говоры	[5: 270]
2	Имя прилагательное		
2.1	Формы род. падежа муж. рода: <i>нового – новую</i>	Онежские говоры; заонежские	[16: 95]; [4: 385–387]
2.2	Стяженные окончания ср. и ж. рода в им. и вин. падежах: <i>стары люди; замне время; така жизнь</i>	Заонежские Северное наречие	[18: 19]; [16: 87, 89]
2.3	Метоименное прилагательное <i>тая</i>	Западная зона	[5: 270]
3	Местоимение-существительное		
3.1	Местоимения <i>йон, йона, йоно, йоны</i>	Западная зона; Онежские говоры	[5: 270]
3.2	Форма вин. п. 3 л. ж. рода <i>йу</i>	Онежские	[5: 270]
4	Глагол		
4.1	Формы <i>есте, йе</i> 'есть'	Северная зона	[16: 39]
4.2	3 л. ед. и мн. число без -т: <i>он делае, они сидя</i>	Западные среднерусские окающие говоры; северо-западная диалектная зона; онежские	[16: 39, 51]
4.3	Стяженные окончания 3 лица ед. числа: <i>знат, делат</i>	Владими́ро-поволжские говоры	[16: 71]
4.4	3 л. ед. и мн. число -т': <i>несёт, несут</i>	Южное наречие; Заонежье	[4: 377]
4.5	Формы нсв. в. <i>видывал, хаживал, бывал</i>	Поморские	[16: 49]
4.6	Ударение у глаголов пр. вр. ж. р.: <i>ткала, брала, звала, взяла, дала</i> и др.	Онежские; северо-западные говоры	[5: 270] [16: 39]
4.7	Давнопрошедшее время: <i>был ушел</i>	Поморские	[16: 49]
4.8	Причастные перфектные формы от непереходных глаголов: <i>уйдено</i> ; в т. ч. возвратных: <i>жсненось</i>	Западные средне- и севернорусские говоры; западная часть севернорусских говоров	[7: 140]

В заонежском диалекте общерусские формы род. падежа на *-ы* (*нет воды*) и диалектные формы на *-ы* дат. (*Нины некогда было ехать Великая Губа; стала помогать мамы Кузаранда*) и пр. падежей (*в кузницы, в Москвы, на войны, на Украины; в будки, в Америки*) существительных 1-го склонения различаются лишь на функциональном уровне, что объединяет его с другими говорами северо-западной диалектной зоны [16: 39]. По-видимому, шире, чем в других говорах, здесь наряду с безусловно преобладающим окончанием *-а* род. падежа существительных 2-го склонения употребляется флексия *-у* (с предлогами и без предлогов): *голосу нету; дому почти не было: ни крыши, ничё не было; купить хлебу Фоймогуба; ото льду очищали; тоже ремонту порядочно надо Кузаранда*. Отмечается изредка эта флексия и в формах вин. падежа: *суду смотрю; делали сватовству Великая Губа; дак этова гуляню такое празднують Кузаранда*. Таким образом, омонимичными оказываются формы род., вин. и пр. (*в ящичку где-то есть*) падежей существительных 2-го склонения. Диалектные предложно-падежные формы связаны с заменой одного предлога на другой (*в//на*) или их пропуском (*вот <в> воскресенье некла Великая Губа; папа <в> школу не сунут был Фоймагуба*). Так, при явном преобладании вин. падежа с предлогом *на* регулярно встречаются диалектные формы вин. падежа с предлогом *в*: *ходили в маслозавод Кузаранда; ездила в остров Великая Губа*. Здесь же фиксируются характерные для северного наречия [16: 39] формы вин. падежа с предлогами *о, около*: *о берег проходит (дорога) 'по берегу проходит' Кузаранда; около прилавок Великая Губа*. В пр. падеже отмечается замена одного предлога на другой: *на хлеву жили; люди работают тут на разном, не только на совхозе Фоймогуба; на сенах Великая Губа*.

В современном заонежском диалекте достаточно заметны аналитические тенденции, проявляющиеся в омонимии падежных форм род., дат., пр. падежей существительных 1-го и 2-го склонений в ед. числе: *без воды, к воды, на воды; из земли, к земли, на земли; из городу, к городу, в городу*. В русле этой тенденции, по-видимому, оказывается некоторая свобода замены одного предлога на другой (*на хлеву, в остров*) и, конечно, их пропуск (*у нас <в> комнаты жарница Великая Губа*).

Диалектные окончания прилагательных

Наиболее броские диалектные формы прилагательных — стяженные окончания, характерные в целом для севернорусского наречия [16: 87, 89]. На эту морфологическую особенность говоров Заонежья впервые в середине прошлого столетия обратила внимание Н. И. Скуратова, отметив их широкое (наряду с полными фор-

мами) употребление [18: 19]. Стяженные окончания женского рода и мн. числа используются как в предикативной функции, так и в роли определения: *мы больши да велики; а пензию совсем маленьку получила Кузаранда; он давал розову таблетку; лето цело нету отдыху Фоймогуба*. Как и в середине прошлого века, в настоящее время в Заонежье стяженные окончания в им., вин. падежах могут иметь прилагательные всех лексико-грамматических разрядов: *карельска деревня Великая Губа; медны ямы были Толвуйа; осталась стара бабушка Великая Губа; я и сёстра сама меньша; в перву очередь Фоймогуба; погода сиюдня никака Толвуйа*. Субстантиваты сохраняют диалектные окончания: *в столову ходила на работу; возили в Песчано Кузаранда; его забрали и расстреляли, русьски Великая Нива*.

Крайне редко стяженное окончание встречается у прилагательных в род. падеже: *ну дошкольна возраста [о мальчике] Кузаранда*. Им противостоят диалектные архаические окончания род. падежа прилагательных в ед. числе, производимые как *[-ого]* (*[-оуо]*), известные всем современным онежским говорам [16: 95], которые нередко можно услышать у старшего поколения заонежан: *дорос до солидного возраста; до определённого места Кузаранда; высказывались всё у клуба этого, этой церкви Фоймогуба*. Противостоит тенденции на стяжение и членное местоименное прилагательное *тая* (реже *тоё*): *вот тая порода приезжала к нашим Великая Губа, также употребляемое во всех говорах онежской группы* [5: 270].

Регулярность стяженных окончаний прилагательных в диалекте находит поддержку, на наш взгляд, со стороны активно используемых кратких страдательных причастий (*молоды все уеханы*).

Временные глагольные формы

Особое развитие в заонежском диалекте получила система времен глагола. Здесь сохраняется давнопрошедшее время, глубокая старина проявляется в формах настоящего времени. При этом Заонежье стало, если можно так сказать, лабораторией по выработке причастного и деепричастного перфекта.

К одним из древнейших относятся формы 3-го лица без *т*. В заонежском диалекте, принадлежащем онежской группе, где отмечаются формы 3-го лица ед. числа без *т* [16: 51], еще можно услышать: *ну, спрашивайте, бабка ведь так не зна Великая Губа; ему сорок девятый иде Великая Нива; сирень-то цветя Кузаранда*.

При безусловном преобладании общерусских форм настоящего времени в заонежском диалекте фиксируются стяженные окончания 2-го и 3-го лица ед. числа и спорадически 1-го лица мн. числа: *таскам Великая Губа; думаешь, знаешь Фоймогуба; помогают маленько, работает Кузаранда*.

В заонежском диалекте фиксируются формы давнопрошедшего времени, известные севернорусским, в частности поморским, говорам [16: 49]: *я была с лагеря приехала туда в Ламба; то были еще между собой-то скандалили, что мало достается травы-то косить было; в колхозе-то дак были следили как-то больше всё получше было; на похороны-то она была приходила* Фоймогуба.

По-видимому, следы давнопрошедшего времени можно отметить в тех случаях, когда бытийный глагол используется в застывшей форме среднего рода: *я сразу работала было бригадиром* Толвуя; *тут еще дом сгорел было; ферму было раскурочили* Кузаранда; *а раньше бывало тут праздновали* Фоймогуба. Отсутствие координации подлежащего со сказуемым на -ло, отмеченное Ф. П. Филиным [20: 460], до сих пор фиксируется в заонежских говорах: *лось бывало; чашка и сахар стояло* Кузаранда.

Однако наиболее выразительными в Заонежье стали причастные и деепричастные формы глагола, которые формируют северо-западный перфект. Экзотическими являются краткие квази-страдательные причастия прошедшего времени, образованные от непереходных, в том числе и возвратных, глаголов: *уйдено, придено, жене-нось* и др. Деепричастные формы с суффиксами -вши, -ши в заонежских говорах сохраняют возвратность: *больница уж открывшись тут была; одни женщины оставшись были* Великая Губа. Предикативные причастные и деепричастные формы создают ряд синтаксических диалектных различий.

Как видим, в говорах Заонежья в основном представлены черты севернорусского наречия, в своих морфологических особенностях диалект близок другим русским говорам северо-западной зоны, при этом здесь причудливо сошлись особенности разных русских говоров, что обусловлено историей образования самого заонежского диалекта [2]. В говорах действуют общие для национального языка законы, которые приводят порой к эффектным результатам. Сильными оказываются здесь аналитические тенденции, которые приводят к многофункциональности номинатива, синкретизму косвенных падежей, утрате предлогов. Особой сложностью отличается система времен глагола: на смену затухающим архаическим формам давнопрошедшего времени (*была работала*) приходят перфектные, результативные (*у него уйдено*). Нельзя не заметить специфическую заонежскую особенность – редукцию флексий. Возможно, ярчайшая фонетическая особенность этого диалекта – фиксированное на первом слоге ударение – способствует сохранению древних глагольных форм (*иде*), стяжению окончаний имен (*кажну вёсну*) и глаголов (*знат*).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Изучение синтаксиса заонежского диалекта связано с именами А. А. Шахматова, Ф. П. Филина, И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, В. И. Трубинского. Синтаксическим особенностям диалекта посвящена диссертация Т. Г. Доля², много лет руководившей диалектологической практикой студентов ПетрГУ. В настоящее время севернорусские синтаксические явления, с особой выразительностью преломленные в Заонежье, получают освещение в работах сравнительно-исторического [7], [8], [10] и структурно-типологического [9], [13], [22], [23] направления. К наиболее ярким особенностям функционирования синтаксических различий в заонежском диалекте относятся вариативные формы выражения субъекта и объекта действия, а также синонимия перфектных причастных и деепричастных конструкций.

Диалектные способы выражения прямого объекта

В говорах Заонежья зафиксированы собственно диалектные формы прямого объекта при переходном глаголе – объектный (им.) и род. падежи, употребление которых в какой-то степени связано с формой глагольного компонента, семантикой глагола и имени, хотя, при доминировании в говорах общерусского вин. падежа, все три объектные формы находятся в отношениях варьирования и синонимии.

Конструкции типа *косить / кошу трава*

Глубоко архаические глагольные конструкции с формами на -а прямого дополнения здесь получают своеобразное развитие. При сохранении изначально инфинитивных единиц (*тут дорога перейти и всё* Толвуя), которые количественно уступают безличным предложениям с инфинитивом, зависящим от предикатива (*надо баня топить; невозможно справка дать*), широко употребительным в севернорусских говорах XIX века, и, видимо, ранее, в Заонежье объектный номинатив, как будто избегая двойного номинатива, вовлекается практически во все типы одноставных глагольных предложений: *определенно-личные лей вода побольше* Шуньга; *неопределенно-личные курица держат* Великая Нива; *вон музыка включают* Кузаранда; обобщенно-личные *прялка такая деревянная так вот кладешь* Кузаранда. Лишь изредка форма на -а фиксируется в двусоставных предложениях: *я нога поморозила; а рыба они выловят* Кузаранда. При этом упомянутое ранее использование формы на -а в позиции любого косвенного падежа свидетельствует о постепенном ее нивелировании.

Объектный номинатив одушевленных существительных других типов склонения в ед. и мн. числе (*я лисенок поймал; никто не пускал жители* Кузаранда) не получил большой поддержки

Таблица 2. Синтаксические особенности заонежского диалекта
Table 2. Syntactical features of the Zaonezhye dialect

№	Диалектные различия	Территория фиксации по данным лингвогеографии	Источник
1	Формы существительных на <i>-а</i> в функции прямого объекта: <i>косить / кошу трава</i>	Севернорусские говоры за исключением костромских, южной части белозерских, юго-западной части вологодских; поморские; онежские	[7: 7–8] [16: 49, 95]
2	Объектный номинатив одушевленных существительных: <i>поймал лисенок; нанимали музыканты</i>	Западная часть псковских и западная группа южнорусского наречия	[7: 25]
3	Род. падеж прямого объекта: <i>косить травы; здымать самовара</i>	Севернорусские и часть среднерусских (новгородские и владими́ро-поволжские)	[7: 29]
4	Им. падеж числительного + им. падеж существительного в ед. числе: <i>двенадцать год</i>	Заонежские Ср.: западные южные говоры: им. падеж числительного + им. падеж существительного во мн. числе: <i>Два мужики</i>	[16: 53]
5	Отсутствие координации подлежащего и сказуемого на <i>-ло</i> : <i>школа было</i>	Севернорусские: ярославские, ладо́го-тихвинские, новгородские, псковские	[20: 460]
6	Форма им. падежа существительных на <i>-а</i> при предикативе: <i>надо вода</i>	Севернорусские, за исключением костромских; среднерусские и южнорусские на западе	[7: 109, 126]
7	Субъектный генитив в глагольном предложении: <i>медведей есть</i>	Западная часть северного наречия, особенно онежские, ладо́го-тихвинские, белозерско-бежецкие; северная диалектная зона; онежский диалектный тип	[7: 109, 114–115]; [16: 39, 95]
8	Предложения с прич. на <i>-ши</i> : <i>я была выучившись; лес зазеленевши</i>	Севернорусские и западные среднерусские говоры, от восточного побережья Онежского озера до Белгорода; западная диалектная зона; новгородский, ярославский диалектный тип	[7: 135, 115, 172]; [16: 91, 104]
9	Полные формы страдательных причастий прошедшего времени в предикативной функции: <i>дом был купленный</i>	Южнорусские, северо-западные, особенно гдовские и к западу от Онежского озера	[10: 92–93]; [8: 284–294]
10	Страдательно-безличный оборот с причастиями на <i>-но, -то</i> от переходных глаголов с им./вин. и род. падежом: <i>У меня вода / воду принесено; принесено воды</i>	Севернорусские, кроме костромских и южной части вологодских; западные среднерусские: псковские, новгородские, западная часть селигеро-торжковских, поморские	[7: 135, 136]; [16: 40, 49, 66]
11	Двусоставное предложение с предикативным причастием на <i>-но, -то</i> : <i>шофёр был выпито</i>	Заонежье	[12: 141]
12	Предложения с предикативными причастиями, образованными от непереходных глаголов, и разными способами выражения субъекта действия: <i>уйдено; жёноность; у него уйдено; нам привкнуто; всех уехано</i>	Западные среднерусские и севернорусские говоры, за исключением костромских и южных вологодских говоров	[7: 139–140]; [12]
13	Двусоставные предложения с предикативным причастием с суффиксами <i>-н-, -т-</i> от непереходных глаголов: <i>она выученось</i>	Заонежье, псковские, новгородские, вологодские говоры	[8: 83]
14	Предложения с грамматической основой – образованиями на <i>-ность</i> от возвратных глаголов: <i>у нее в Толвуе устроённость</i>	Заонежье	[12: 140–141]
15	Двусоставные отрицательные предложения: <i>работа нет; химикаты не были</i>	Верховье Камы, северо-восток Сибири, некоторые местности Карелии	[7: 122]

и отмечается в диалекте крайне редко, что противоречит утверждениям о прибалтийско-финском влиянии – субстратном и даже заимствованном происхождении конструкций типа *косить трава* [24: 220].

Конструкции типа *косить травы, петь песен*

Если объектный номинатив теряет свои позиции под влиянием нормативной грамматики и аналитической стихии, то генитив успешно конкурирует с вин. падежом объекта. В диалекте глаголы несовершенного вида свободно управляют род. падежом: *кошу травы, собирали ягод, бережет живота*. Таким образом, непол-

нота охвата объекта и незавершенность действия оказываются взаимосвязанными. Дело в том, что в заонежском диалекте, как и в других севернорусских говорах, управление род. падежом прямого объекта (наряду с вин.) сохраняют глаголы конкретного физического действия, восприятия, мысли, речи и др. (*рубить дров, здымать самовара, говорить пустяков, петь песен*), которые в современном литературном языке такую вариативность утратили [10: 120]. Интересно, что заимствованные из карельских говоров глаголы, с одной стороны, калькируют управление партитивом – род. падежом неполного объективирования, с другой стороны, оказываются

под влиянием русских глаголов близкой семантики: *вярандали пустого – говорили пустяков*.

Глагольные конструкции с субъектным генитивом

Некоторое своеобразие присуще предложениям с субъектным генитивом. В Заонежье, как и в других севернорусских говорах, широко представлены глагольные конструкции, утверждающие существование, наличие чего-то в большом количестве: *А таких было сказителей, бывало дак сплошь и рядом* Кузаранда. При этом генитив в заонежских говорах может указывать на неопределенное количество чего-либо: *туда не стало людей ходить* Кузаранда. Более того, в заонежском диалекте спорадически встречаются предложения с род. падежом конкретного существительного, лишённого идеи количества: *самовара есть; пустыря как будто будет; есть у ей гостя такого?* Кузаранда. В данных случаях в предложениях с вопросительной и ирреальной модальностью род. падеж выражает неопределённость субъекта.

Двусоставные отрицательные конструкции

Интересно, что в кузарандском говоре сосуществуют диалектные односоставные утвердительные бытийные и двусоставные отрицательные предложения: *есть подружек – все подружки нету*. Грамматическим вариантом общерусского односоставного отрицательного предложения (*нет работы*) в заонежском диалекте (в одном из говоров) еще встречаются, хоть и крайне редко, архаические двусоставные отрицательные конструкции: *невеста еще, верно, нету, где невеста?; сказали, что нет работа; все подружки в живых нету* Кузаранда. Если не тождественность, то семантическая близость общерусских и диалектных предложений (*работы нет ≈ работа нет*) способствует вытеснению последних из речи жителей деревни, о чем свидетельствует нерегулярность диалектных отрицательных предложений [11].

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Внимание на сосуществование в заонежском диалекте двух перфектных конструкций – деепричастных и причастных – обратили Т. Г. Доля³ и И. Б. Кузьмина [8: 146], «зоной столкновения двух перфектов» назвал Заонежье В. И. Трубинский [19: 182]: *я была этого выйдевши замуж; они как-то из дома уехавши были; дак сын уехачи и один живет* Великая Губа – *вот там было жененось у него; вылезла замуж, но рановато у ней выйдено; у него утром приехано* Кузаранда. На протяжении XX века исследователи отмечают, что, несмотря на более широкие возможности деепричастного перфекта, субъект которого может быть и неодушевленным существительным (*выцветши коричневая така*

фуфайка Великая Губа), заонежане предпочтение отдают причастному перфекту. Субъектный детерминант *у + род. падеж* является главным распространителем причастных диалектных конструкций, как безобъектных, так и с разными формами объекта. Предложно-падежная форма не всегда сохраняет посессивность, ср.: *но заявление подано у населения этому, в церкви-то самый главный* Толвуй; *это у дочки было подарено мне* Сенная Губа; *а эти прялицы у меня в музей сданы; морда вся съедена у комаров* Кузаранда. В собственно диалектных предложениях с объектом в вин. падеже залоговое значение страдательных причастий приглушается: *у него дорогу перейдено* Вороний Остров; *а вот картошку у Тани посажено* Кузаранда. Квазипассивными назвал такого типа конструкции В. И. Трубинский [19: 111]. Преодоление страдательности ярко проявляется и в двусоставных предложениях с предикативными причастиями переходных глаголов в абсолютном значении: *а шофер был выпито* Кажма; *я была окончено 6 месяцев курсы на медсестру; я куплено одеколон, купила* Кузаранда.

Наибольший интерес представляют частотные в Заонежье предложения с причастиями от непереходных глаголов. Образованные преимущественно от глаголов движения, псевдо-страдательные причастия выражают результат действия субъекта, который может быть обозначен разными падежными формами существительного. Самым распространенным способом является детерминант *у + род. падеж*. Посессивное для общерусского языка, в говорах сочетание лишено идеи обладания чем-либо, а называет чистого агенса. В. И. Трубинский на этом основании отмечает особую, равную подлежащему, значимость его в конструкциях типа *у него жененось* [19: 149]. Как факт «расширения сферы употребления сочетания *у + род. падеж* от выражения значения лица, являющегося реальным производителем действия, агенсом, до выражения значения предмета» расценивает пример *у дожжа быто* В. А. Матвеевко [14: 125]. И в Заонежье зафиксирован за полвека еще один пример с неодушевленным существительным *у цветов совсем засохнуто* Кузаранда. На рубеже веков в Заонежье используются разные способы выражения субъекта действия в причастных оборотах при сохранении наиболее употребительного *у + род. падеж*: *у девок иных не выйдено замуж* Сенная Губа; *в 21 году у него к финнам было перейдено от русских; у всех уйдено, думаю* Толвуй. Изредка встречается, не без влияния широко употребляемого в глагольных предложениях типа *медведи есть*, субъектный генитив: *милиции было наехано за порядком следить* Великая Губа. Немногочисленные примеры с дат. падежом субъекта: *привыкнуто мне работать* тяжело Сенная Губа. Крайне редко фиксируется

форма тв. падежа: *мною туды перейдено* Кузаранда.

Синтаксической особенностью рассматриваемого диалекта являются регулярно употребляемые в говорах двусоставные предложения с номинативным подлежащим и причастиями на *-н-*, *-т-* без координации и с координацией главных членов:

они-то этого уехано; Сережка тоже было падено с этого причала; ну я сама не записанась была Толвуя; мы были перееханы в 39 году; два сына уехано в Питер Шуньга; внуки выйдены замуж; невеста-то не очень, не привыкнута; эта Катя с города приехана; да в город потом я была съехана; я была привыкнута; ну я сама не записанась была. Кузаранда.

При этом надо признать, что не все носители диалекта используют двусоставные перфектные конструкции. Интересно, что в материалах Т. Г. Доля середины XX века предложения такого типа в Заонежье не зафиксированы. А уже в восьмидесятые годы в Кузаранде отмечены двусоставные предложения без координации и с координацией главных членов: *внук уехано в Петрозаводск; он спотета; гостья придено; я была выйдена замуж на 19 году* [12]. Субъектный номинатив становится все более употребительным в перфектных конструкциях с причастиями на *-н-*, *-т-*, образованных от непереходных глаголов и не предполагающих страдательного элемента значения (*мы перееханы, он жененось*). Безусловно, его утверждение происходит как под влиянием двусоставных общерусских предложений с финитным глаголом (*мы переехали*), так и деепричастных (*мы переехавши, он женившись*).

С таким богатым выбором форм субъекта действия – род. – дат. – тв. – им. падежи – причастные конструкции не зафиксированы в других онежских говорах. Это отражает, если можно так сказать, поиск грамматической системой на ограниченной территории наиболее адекватного выражения агенса в перфектном обороте.

Особого внимания заслуживает фиксируемая исключительно в Заонежье группа предложений, грамматическую основу которых составляют образования на *-ность*, *-тость*, мотивированные возвратными глаголами: *у ней выученость на бугалтера; а тут выходит, что у них разойденость* Кузаранда. Здесь отчетливо проявляется посессивное значение сочетания *у + род. падеж* (ср.: *у нас договоренность*). Как видим, образования на *-ость* двойственной природы. В предложении с образованием на *-ность* нами

зафиксирован детерминант в дат. падеже: *мне прописаность у детей, а на лето приезжаю* [$\approx$ * *у меня прописаность у детей* – речь идет о том, что мать прописалась / прописана у детей] Кузаранда. Напомним, что в диалекте эти детерминанты близки к взаимозамене.

В целом синтаксическая система заонежского диалекта отличается, с одной стороны, сохранением ряда морфологических и синтаксических диалектных явлений, уходящих в глубокую историю языка (*сказать сказка; петь песен; жители не были*), а с другой стороны, смелыми новациями (*мы перееханы*). Экзотичность оборотов типа *у них уехано, у него жененось*, их бытование в пограничной с говорами прибалтийско-финских языков территории, в двуязычной семье подводят к идее влияния со стороны финского перфекта [15: 98], [25: 137–139]. Однако предположение о полигенезисе перфекта, самостоятельном возникновении и развитии его в разных типологических системах, высказанное Ю. С. Масловым на основе известных грамматических параллелей индоевропейских языков, представляется более убедительным [13: 95]. Не противоречит высказанной гипотезе заявленный потенциал русской грамматической системы – наличие в литературных формах *говорено, думано, хождено*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заонежский диалект представляет собой уникальную языковую подсистему, характеризующуюся устойчивой совокупностью тесно взаимосвязанных единиц разного уровня, в которой отмечаются черты, выделяющие его на общесевернорусском фоне. Самобытность говоров обусловлена некоторой территориальной изолированностью полуострова, что выделяет его диалект даже на фоне межзональной онежской группы. Известная обособленность заповедного края способствовала сохранению глубокой старины не только в архитектуре, фольклоре, но и в речи заонежан. Однако уникальность говоров, на наш взгляд, складывается за счет не только поддержания старого, традиционного, но и переосмысления архаических явлений, наполнения новым содержанием, а также создания новых диалектных различий. Таким образом, диалектная грамматическая система отличается развитием форм, выражающих категорию времени, вариативностью морфологических форм и синтаксической синонимией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей работе использованы материалы диалектологических экспедиций в Заонежье 2007–2017 годов.

² Доля Т. Г. Синтаксис простого предложения в говорах Заонежья Карельской АССР: Дис. ...канд. филол. наук. Петрозаводск, 1967. 359 с.

³ Там же. С. 77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М.: Наука, 1972. 448 с.
2. Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. Вып. 3. С. 206–213.
3. Герд А. С., Капорулина Л. В., Рускова М. П., Черепанова О. А. Севернорусское именное склонение на общеславянском фоне (материалы к истории славянского именного склонения) // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. С. 23–51.
4. Гринкова Н. П. К изучению олонекских диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 365–392.
5. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка // Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1969. С. 227–296.
6. Земская Е. А. Наблюдения над синтагматикой разговорной речи // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 225–287.
7. Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.
8. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 312 с.
9. Лютикова Е. А., Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Дифференцированное маркирование аргументов: Семантика, морфология, синтаксис // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 113–127.
10. Малышева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // Диалектология / Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М.: Наука, 2014. С. 120–144.
11. Маркова Н. В. Двусоставные отрицательные бытийные предложения в одном современном севернорусском говоре // Севернорусские говоры. Вып. 11. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2010. С. 25–33.
12. Маркова Н. В. Диалектные совершенные конструкции в одном заонежском говоре и идиостиле // Севернорусские говоры. Вып. 13. СПб.: Нестор-История, 2014. 137–148.
13. Маслов Ю. С. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Сер. Филологические науки. 1949. Вып. 14. С. 76–104.
14. Матвеев В. А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: АН СССР, 1961. С. 103–139.
15. Мызникова Я. В. Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса. СПб.: Нестор-История, 2014. 195 с.
16. Пшеничнова Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 220 с.
17. Рыбников П. Н. Об особенностях олонекского подречья // Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. III. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 267–287.
18. Скуратова Н. И. Склонение имен прилагательных в говорах Заонежья Карельской АССР // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1978. С. 16–20.
19. Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л.: ЛГУ, 1984. 214 с.
20. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 656 с.
21. Шахматов А. А. Отчет о поездке в Олонецкую губернию летом 1886 г. // Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 762.
22. Lavine J. Remarks on Object Case in the North Russian Perfect // Contemporary Approaches to Dialectology: The Area of North, North-West Russian and Barusian Dialects. (I Seržant & B. Wiemer, Ed.). Bergen, 2014. P. 167–194.
23. Seržant I. Nominative Case in Baltic in the typological Perspective // (A. Holvoet, N. Nan, Ed.). Argument Structure in Baltic. Amsterdam, Philadelphia, 2015. P. 137–198.
24. Timberlake A. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974. 265 p.
25. Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. 329 p.

Поступила в редакцию 22.12.2019

Nina V. Markova, PhD in Philology, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
markova_nina@mail.ru

GRAMMATICAL FEATURES OF THE ZAONEZHYE DIALECT

This paper is the first of its kind to present the morphological and syntactical system of the Zaonezhye dialect, which somehow fell outside the scope of centralized studies dealing with Russian folk dialects. The author gives a list of identified specific morphological and syntactical characteristics, as well as the structural and functional distinctive features of Zaonezhye dialectal word forms and constructions revealed in the comparison with modern linguogeographical data. The relevance of the article is enhanced by the fact that it analyzes the unpublished materials of the XXI century, which enables to track certain tendencies in the grammar system development at the turn of the century. At the morphological level, the diminishing role of inflectional suffixes or endings is revealed: the syncretism of noun cases (*u sestry – k sestry – o sestry*), as well as high frequency of reduced endings of adjectives (*stara babka*) and verbs (*znat*). So-called “Northwestern Perfect”, actively used in northwest Russia, is represented in the Zaonezhye dialect by two types of synonymous clauses – with participles (*u nego uideno*) and verbal adverbs (*on ushedshi*). At the simple sentence level, nominative and genitive cases still compete with each other when they function as objects and subjects (*raboty yest’ – rabota net*).

Keywords: Russian territory dialects, linguistic geography, Zaonezhye dialect, morphological and syntactic dialect differences, Northwestern Perfect, nominative object, genitive subject

Cite this article as: Markova N. V. Grammatical features of the Zaonezhye dialect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 63–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.434

REFERENCES

1. Bromley S. V., Bulatova L. N. Essays on the morphology of Russian dialects. Moscow, 1972. 448 p. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The history of the Zaonezhye dialects formation. *Northern Russian dialects*. Leningrad, 1979. Issue 3. P. 206–213. (In Russ.)
3. Gerd A. S., Kaporulina L. V., Ruskova M. P., Cherepanova O. A. Northern Russian nominal declension against the general Slavic background: materials on the history of Slavic nominal declension. *Northern Russian dialects*. Issue 2. Leningrad, 1975. P. 23–51. (In Russ.)
4. Grinkova N. P. The study of Olonets dialects. *Shakhmatov A. A. 1864–1920: Collected articles and materials*. Moscow, Leningrad, 1947. P. 365–392. (In Russ.)
5. Zakharova K. F., Orlova V. G. Dialect stratification of the Russian language. *Russian dialectology*. Moscow, 1969. P. 227–296. (In Russ.)
6. Zemskaya E. A. Observations on the syntagmatics of spoken language. *Russian spoken language*. Moscow, 1973. P. 225–287. (In Russ.)
7. Kuzmina I. B. The syntax of Russian dialects in the linguo-geographical aspect. Moscow, 1993. 224 p. (In Russ.)
8. Kuzmina I. B., Nemchenko E. V. The syntax of participial forms in Russian dialects. Moscow, 1971. 312 p. (In Russ.)
9. Lyutikova E. A., Ronko R. V., Zimmerling A. V. Differentiated marking of arguments: Semantics, morphology, syntax. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2016. No. 6. P. 113–127. (In Russ.)
10. Malysheva A. V. Object genitive in Russian chronicles and modern dialects. *Dialectology. Proceedings of V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Issue 3. Moscow, 2014. P. 120–144. (In Russ.)
11. Markova N. V. Two-part negative existential sentences in one modern northern Russian dialect. *Northern Russian dialects*. Issue 11. St. Petersburg, 2010. P. 25–33. (In Russ.)
12. Markova N. V. Dialectal perfect constructions in one Zaonezhye dialect and idiostyle. *Northern Russian dialects*. Issue 13. St. Petersburg, 2014. P. 137–148. (In Russ.)
13. Maslov Yu. S. The origin of possessive perfect constructions. *Proceedings of Leningrad State University*. 1949. Issue 14. P. 76–104. (In Russ.)
14. Matveenko V. A. Some structural features of passive impersonal construction in Russian dialects. *Materials and research in Russian dialectology*. Moscow, 1961. P. 103–139. (In Russ.)
15. Myznikova Ya. V. Russian-Baltic-Finnish language contacts and their reflection in the field of dialectal syntax. St. Petersburg, 2014. 195 p. (In Russ.)
16. Pshenichnova N. N. Linguistic geography (using the materials of Russian dialects). Moscow, 2008. 220 p. (In Russ.)
17. Rybnikov P. N. The peculiarities of the Olonets subdialect. *Rybnikov P. N. Songs collected by P. N. Rybnikov*. Vol. III. Petrozavodsk, 1991. P. 267–287. (In Russ.)
18. Skuratova N. I. Declension of adjectives in Zaonezhye dialects of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. *Northern Russian dialects*. Issue 3. Leningrad, 1978. P. 16–20. (In Russ.)
19. Trubinsky V. I. Essays on Russian dialectal syntax. Leningrad, 1984. 214 p. (In Russ.)
20. Filin F. P. Origins of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. Leningrad, 1972. 656 p. (In Russ.)
21. Shakhmatov A. A. A report on a visit to the Olonets province in the summer of 1886. *Folklore heritage of A. A. Shakhmatov*. St. Petersburg, 2005. P. 762. (In Russ.)
22. Lavine J. Remarks on object case in the North Russian perfect. *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, North-West Russian and Barusian dialects*. (I Seržant & B. Wiemer, Ed.). Bergen, 2014. P. 167–194.
23. Seržant I. Nominative case in Baltic in the typological perspective. (A. Holvoet, N. Nan, Ed.). *Argument structure in Baltic*. Amsterdam, Philadelphia, 2015. P. 137–198.
24. Timberlake A. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974. 265 p.
25. Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967. 329 p.

Received: 22 December, 2019